

Памяти Фредерик Коммерелл

Глава 1

Машина тянула из последних. Вот уже несколько часов на пути не попадалось ни одной бензозаправки, и стрелка указателя уровня топлива скатилась в красную зону. Надо было бы съехать с дороги, но по обеим сторонам тянулись бескрайние поля, упорно принуждая меня двигаться вперед до последнего чиха мотора. Несмотря на раннее утро, было сухо и жарко. Врывающийся в открытые окна ветерок лишь перемешивал, но не охлаждал воздух.

Сгорбившись за рулем, я вел машину, каждую секунду ожидая, что двигатель заглохнет, и вдруг увидел разрыв в зеленом барьере. Слева, насколько хватало глаз, пшеничные поля прорезала колея. Я свернул в ту сторону и затрясся по рытвинам, не думая, куда приведет этот путь, — главное, чтобы не заметили с шоссе. Колея нырнула в густую рощицу. Я направил «Ауди» под деревья и, когда ветви стали скрести по стеклам, заглушил мотор. Шум стих, только пощелкивал остывающий двигатель, и стало слышно, что где-то неподалеку журчит вода. Закрыв глаза, я откинулся на спинку сиденья, но времени отдохнуть не было.

Надо было двигаться дальше.

Я проверил «перчаточник». В нем не оказалось ничего, что бы указывало на личность владельца автомобиля — всякое барахло и почти полная пачка сигарет. «Кэмел», мой любимый сорт. Потянувшись за сигаретами через пассажирское сиденье, я ощутил запах — не сильный, но неприятный, словно кто-то оставил на солнце мясо. Роскошная обивка пассажирского сиденья была чем-то испачкана. Как и вытянутый и лежащий на полу ремень безопасности. В одном месте прочная ткань оказалась почти разорванной. Дотронувшись до ремня, я ощутил что-то липкое и увидел, что кончики пальцев потемнели.

От мысли, что я всю дорогу ехал вот с этим, на самом виду, закружилась голова. Сразу захотелось очутиться как можно дальше от этой машины, но я не мог оставить ее просто так. Пока я выбирался наружу, ветки хлестали по дверце. Через рошницу протекал ручей. И когда я мочил в нем найденную в «перчаточнике» тряпку, заметил, что мои руки дрожат. Сиденье оттереть было легко, но в переплетенье нитей ткани ремня кровь впиталась глубоко. Вычистив, как мог, ремень, я прополоскал тряпку в ручье. Поток обхватил мои запястья, словно стеклянные кандалы. Я мыл руки, оттирал их песком со дна, но даже после этого ощущения чистоты не возникло.

Плеснул воду на лицо, поморщился, когда она обожгла ссадины на щеке, и вернулся к машине. «Ауди» была в дорожной пыли, скрывавшей ее черный цвет. Я сбил камнем английские номера, затем достал из багажника свой рюкзак. Когда я его вынимал, он сдвинул в сторону чехол запасного колеса, и там мелькнуло что-то белое.

Я отогнул коврик, и при виде закутанного в полиэтилен свертка у меня узлом скрутило желудок.

Пришлось привалиться к автомобилю — ноги внезапно настолько ослабели, что отказывались держать меня.

Сверток был размером с пачку сахарного песка, но находящийся внутри порошок был отнюдь не таким невинным. Я быстро оглянулся, словно в этом месте кто-нибудь мог наблюдать за мной. Но вокруг были только деревья, а из звуков — лишь гул летающих насекомых. Я неотрывно смотрел на пакет и не мог оценить новое осложнение своего положения. Не хотел брать его с собой, но и не мог оставить в роще. Схватил, затолкал поглубже в рюкзак, захлопнул крышку багажника и двинулся прочь.

Когда я выходил из рощи, хлебные поля казались такими же безжизненными. Я забросил номера и ключи от автомобиля в высокие стебли и вынул телефон. Он оказался безнадежно сломанным. Не останавливаясь, я вытащил из него сим-карту, переломил надвое и зашвырнул половинки в одну сторону поля, а телефон в другую.

Все равно звонить некому.

Серый асфальт шоссе, по мере того как солнце все выше забиралось на небо, расплывался и покрывался текучей рябью. Немногочисленные машины, загнанные в ловушку зноя, казалось, почти не двигались, пока не пронеслись мимо внезапной вспышкой цвета. Рюкзак лежал у меня на спине — мои единственные пожитки. Я шел почти час, а когда решил, что достаточно удалился от автомобиля, вытянул руку с поднятым пальцем и начал голосовать.

Мои рыжие волосы и преимущество, и недостаток: они привлекают к себе внимание, но одним своим видом дают знать, что я — иностранец.   ☹

Первым остановившимся автомобилем был старенький «Пежо» с молодой парой в салоне.

— Ou allez-vous?* — спросил мужчина. Зажатая в его губах сигарета дрогнула.

Я старался раскрутить свой лингвистический механизм — в последнее время я больше слушал французский язык, чем говорил на нем, — но медлил не потому, что не хватало знаний. Куда я еду?

Если бы я знал.

— Куда глаза глядят. Просто путешествоую.

Я сел на переднее сиденье, а девушка безропотно переместилась на заднее. Повезло, что водитель был в солнцезащитных очках, потому что мне это служило оправданием не снимать свои. Они хоть как-то маскировали жуткие синяки на моем лице.

— Британец? — Мужчина покосился на мои рыжие волосы.

— Да.

— Вполне прилично говорите по-французски. Давно здесь живете?

Мне казалось, что я во Франции уже целую вечность.

— Нет, недавно.

— Как же вам удалось так выучить язык? — поинтересовалась девушка, перевесившись между сиденьями. Плотная, темноволосая, с открытым, привлекательным лицом.

— Часто приезжал сюда, когда был моложе. И... мне нравятся французские фильмы. — Я осекся, сообразив, что сказал больше, чем намеревался. К счастью, мои слова их не заинтересовали.

— А я предпочитаю американское кино, — пожал плечами водитель. — Надолго к нам?

— Не знаю.

Меня высадили на окраине маленького городка. Я залез в свой скудный запас евро, чтобы купить хлеба, сыра, бутылку воды и одноразовую зажигалку. Затем в открытых торговых рядах на площади приобрел бейсбольную кепку. Дешевую подделку образца фирмы «Найк», но и такая защитит меня от солнца и поможет спрятать синяки. Понимал, что становлюсь параноиком, но ничего не мог с собой поделаться. Не хотел привлекать внимания больше, чем нужно.

И с каким облегчением покинул городок и снова оказался в безлюдной местности! Светившее в спину солнце жгло открытую шею. Пройдя с километр, я остановился в тени под шеренгой тополей и попробовал поесть. Но стоило мне несколько раз откусить от багета и прожевать сыр, как меня замутило и выворачивало до тех пор, пока не заболел желудок. Когда спазм прошел, я почувствовал себя настолько изможденным, что захотелось рухнуть возле дерева и лежать, отказавшись от всякой борьбы.

Но я не мог себе этого позволить. Рука тряслась, когда я высекал огонек из зажигалки и закуривал сигарету. Первую за два года, но ощущение было таким, словно я вернулся домой. Несколько блаженных мгновений я ни о чем не думал — лишь выпускал вместе с дымом напряжение из тела.

А когда докурил, поднялся и снова пошел. Я имел лишь смутное представление, где нахожусь, но поскольку не строил никаких планов, это не имело значения. Всякий раз, как мимо проезжала машина, я махал рукой с выставленным вверх пальцем, но это случалось нечасто. Дороги в тамошнем захолустье все второстепенные, и движения на них

почти нет. К середине дня мне попались всего два автомобиля — сначала «Ситроен», затем «Рено», но проехать удалось менее двадцати километров. Подсаживали на короткие расстояния — водители направлялись в ближайший городок или деревню. Но теперь движение и вовсе прекратилось. На дороге царила такая тишина, что казалось, будто мир обо мне забыл. Единственными звуками остались шорох моих подошв и несмолкаемое гудение насекомых. Тени не было, оставалось радоваться той защите, какую давала мне бейсболка.

Я шагал уже целую вечность, и вот поля сменились густой каштановой рощей. Ее огораживал ветхий забор из колючей проволоки, но ветви с широкими листьями все же давали немного тени.

Осторожно сняв с натертых плеч рюкзак, я выпил воды. В бутылке оставалось не более двух дюймов жидкости. Я же настолько разгорячился, что этим количеством никак не мог утолить жажды. «Надо было купить две бутылки, — запоздало подумал я. — Но мало ли чего еще мне следовало сделать. Теперь поздно что-либо менять».

Я посмотрел на убегающее вперед шоссе. Прямое, как стрела, оно окуталось от жары маревом и оставалось пустым. Навинчивая крышку на бутылку, я желал одного: хоть бы скорее появилась какая-нибудь машина. Но машин не было. Господи, как же жарко! Снова до невозможности захотелось пить. Я снял бейсболку и запустил пальцы во влажные от пота волосы. И тут вспомнил, что не так давно видел ворота фермы. Поморщился при мысли, что придется возвращаться, но решение приняло за меня мое пересохшее горло. Я понятия не имел, когда доберусь до

следующего городка, а продолжать идти по такой жаре без воды...

Закинув за плечи рюкзак, я повернул назад.

Ворота опутывала та же колючая проволока, которая огораживала лес. Колея скрывалась в каштанах. На воротном столбе висел почтовый ящик с выцветшими белыми буквами, они складывались в единственное слово: «Арно». В «ушках» засова болтался старый, но вполне надежный замок, однако он оказался незапертым.

Я снова окинул взглядом дорогу — на ней никого не было. Стараясь не задеть колючую проволоку, я толкнул створку и вошел в ворота. Дорога слегка забирала вверх и делала поворот, за которым сквозь деревья открывался вид на несколько крыш. Колея привела на пыльный двор, где главной постройкой был ветхий фермерский дом, наполовину обнесенный слишком непрочными, как мне показалось, лесами. Напротив обосновался большой амбар, сбоку — конюшня со старинными с одной стрелкой часами. Лошадей я не заметил, зато под открытым навесом стояли покрытые пылью машины.

На территории не было ни единой души. Где-то неподалеку бляла коза, в земле копались куры. Я остановился на границе двора, не испытывая никакого желания двигаться дальше. Дверь дома оказалась приоткрытой. Я поднялся по некрашеным ступеням и постучал. Сначала все было тихо, но затем женский голос произнес:

— Qui est-ce?*

Я толкнул створку. После яркого света на улице внутри показалось темно. Потребовалась секунда-дру-

---

* Кто там? (фр.)

гая, чтобы я рассмотрел сидящую за кухонным столом женщину, которая держала ребенка.

Не слишком уверено облекая просьбу во французские слова, я поднял пустую бутылку.

— Не дадите мне немного воды?

Если ее и привело в замешательство появление незнакомца, виду она не подала.

— Как вы сюда попали? — Тон был спокойным и неторопливым.

— У вас открыты ворота.

Под ее взглядом я ощутил себя незаконно ворвавшимся в дом чужаком. Женщина усадила ребенка на высокий деревянный стул.

— Хотите еще и стакан воды?

— Буду очень признателен.

Она подошла к раковине и наполнила сначала бутылку, а затем большой стакан. Вода оказалась ледяной, с грубоватым привкусом металла.

— Спасибо. — Я вернул ей пустой стакан.

— Будьте добры, когда пойдете обратно, закройте ворота на засов. Их нельзя оставлять открытыми.

— Хорошо. И еще раз спасибо.

Пересекая залитый солнцем двор, я чувствовал на себе ее взгляд. Колея вывела меня через лес на шоссе. Там было так же пусто, как прежде. Задвинув на воротах засов, я продолжал путь, постоянно оборачиваясь и проверяя, не догоняет ли меня машина. Но видел лишь растопленный солнцем асфальт. Чтобы хоть немного разгрузить от тяжести плечи, я подsunул пальцы под лямки рюкзака. Но он показался мне еще тяжелее, когда я вспомнил, что в нем лежит. Пришлось

прогнать все мысли и сосредоточиться на том,

14 чтобы переставлять ноги.

Вдруг сквозь прожаренную тишину стал проявляться гул автомобильного мотора. Я обернулся и заметил, что ко мне что-то приближается, какое-то искаженное жарким маревом темное пятно. Сначала казалось, будто оно недвижимо парит над собственным отражением. Но затем колеса вытянулись и коснулись дороги, и пятно превратилось в мчащуюся в мою сторону голубую машину.

Я уже сделал шаг из-под тени деревьев, когда увидел нечто на ее крыше. Прозрение пришло мгновением позже, и я, неуклюже, потому что мешал рюкзак, перескочил через колючую проволоку и, зацепив за нее джинсами, шлепнулся на землю. И, слыша, как становится громче звук мотора, нырнул в лес. Когда, судя по гулу, автомобиль поравнялся со мной, я спрятался за дерево и выглянул на дорогу.

Полицейский автомобиль промелькнул мимо. Я ждал, что он начнет сбавлять скорость, и тогда станет ясно, что ищут меня. Но звук становился тише и наконец вовсе растаял вдали. Я привалился головой к дереву — понимал, что реагировал неоправданно остро. Французской полиции не было до меня никакого дела, но нервы были настолько взвинчены, что я не стал рисковать. Нельзя допустить, чтобы обыскали рюкзак.

Горький вкус во рту. Кровь. Я разбил губу. Сплюнул и полез в рюкзак за бутылкой с водой. Прополоскал рот и, оглядевшись, стал разбираться, где очутился.

Я находился на поросшем лесом пологом склоне холма. Сквозь деревья на некотором расстоянии поблескивало озеро. По одну сторону от него виднелись крыши фермерских построек. Кажущиеся издалека маленькими и убогими, они, видимо,